

ОЛ ТОМСКИЙ

ЧЕРНО-БЕЛОЕ КИНО

Рассказы
и стихотворения

Ол Томский
Черно-белое кино

«Издательские решения»

Томский О.

Черно-белое кино / О. Томский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501890-8

Ол Томский — петербургский автор. Окончил Санкт-Петербургские институт кино и телевидения и Университет экономики и финансов. Работал на радио и телевидении — ВГТРК «Петербург — Пятый канал», в газете «Аргументы и Факты». В книгу вошли рассказы «Смерть негодяя» (о секретном сотруднике НКВД), «Конец цивилизации Покегонов» (рассказ-фэнтези), «Голден Фиш, или Черно-белое кино» (о судьбе бывшего боксёра-тяжеловеса) и другие произведения, а также стихотворения разных лет.

ISBN 978-5-00-501890-8

© Томский О.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Отзывы о прочитанном	10
Пять рассказов	12
Смерть негодяя	12
На Ивана Купалу	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Черно-белое кино

Ол Томский

Иллюстратор В. Г. Конопкин

© Ол Томский, 2019

© В. Г. Конопкин, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-1890-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Ол Томский – литературное имя. Производное имени собственного. По воле случая, оно имеет «мистический» и литературный подтекст.

Мне приходилось достаточно часто бывать в доме прототипа «Пиковой дамы» А. С. Пушкина, на Малой Морской – княгини Н. П. Голицыной.

Пространство дома княгини, где разворачиваются события повести, знакомо мне не «мистическим», а самым что ни на есть прозаическим, реальным образом.

Просторный вестибюль, парадная мраморная лестница с отшлифованными ступенями ведет к камину. Над камином высокое полуциркульное зеркало, а в нем небольшие круглые часы Leroy Paris с истертыми временем цифрами на циферблате.

Это то, что еще осталось от исторического интерьера дома, где обитали персонажи Пушкина. Здесь впервые «появляется» Томский.

Проскользнув незаметной тенью в каминном зеркале, он устремляется вверх по лестнице, по которой может быть в повести выходил из дома старой Графини Герман, и поднимался Поль Томский к своей grand'maman – Анне Федотовне.

Объясняется все достаточно прозаично. В этом здании в наше время находится ведомственная поликлиника. Я часто посещал её на протяжении длительного времени. Изредка бываю и сейчас.

Томский, как литературный персонаж, появляется в мистической новелле Пушкина, где, как известно, выступает в качестве необычного рассказчика. Необычность его в том, что, взяв за основу обыденное – анекдот, он порождает необычное, и даже чудесное.

Не в этом ли заключается сакральный смысл метатекстуальной новеллы гения, содержащей в своем повествовании то, что отличается от обыденных вещей и понятий, и имеет непосредственное отношение к иррациональному и мистическому.

Так «мистическим» образом пересеклись пути литературного персонажа и литературного имени реального человека, ведущего свой рассказ.

Предисловие

Способ написания его первых стихотворений схож с обработкой горячего стекла. Небольшая заминка в обработке детали уже непоправима. С замиранием дыхания, «глаза боятся, а руки делают», из быстрых движений ломкого почерка возникали прозрачные и хрупкие строчки. Горячие, они застывали в жарком колебании воздуха вокруг них... Короткое дыхание слов и возникающих образов, прозрачных и легких, замирает подобно горячему стеклу, то слегка затуманенному, то невыразимо прозрачному, облекая окружающий мир и отражаясь в его каждой капле («Стекла», «Летние сны»).

Окружающий мир в стихотворениях Ола Томского предстаёт не «плоским» трехмерным пространством – предсказуемым и однообразным, но обретает другое измерение, измерение творческого видения. За гранью его открывается другая невидимая обычному глазу жизнь. Всё вроде бы просто, но вместе с тем – неоднозначно и неожиданно. Прозрачно, но за этим существует глубина, в которой нет дна.

Это легко заметить в стихотворении «Двухголосие». Оно существует само по себе, и в непринуждённой разговорной форме нам иронично заявляет, что «мы, конечно, можем видеть единство, признавая истинность разнообразных точек зрения и пытаясь создать некий синтез, но ни одному подобному синтезу не суждено восстановить Единство. По сути, это всегда будет призма, забавляющаяся тем, что она говорит о себе, что все цвета исходят из единого Света, тогда как на самом деле все цвета в мире разделены¹.

В пейзажной лирике О. Томского интуитивно реализуются идеи пантеизма, но не в определении верховного божества, а, как ответ безальтернативному атеизму. Созерцание Природы в них перерастает в чувственные ощущения тела, в потребность физиологического растворения в солнечном свете и теплой воде – инстинкт безупречно спокоен, под солнцем солёным с утра». Идеи пантеизма в них гармонично уживаются с антропоморфизмом явлений и сил Природы («Летние сны», «Мечта», «Река Ола», «На Ивана Купалу», «Летняя ветреность», «Отпускник»).

Иногда «случайно» родившееся стихотворение – это ироничный ответ самому себе. Пародия на сиюминутное и суетное отражение лица в зеркале настоящего, порождающего из быстро текущего неуловимого мгновения художественные образы будущего. («Зеркало», «Посылка из будущего»).

Ол Томский обладает врождённым чувством юмора. При чём не только остроумием, и оригинальностью точек зрения, но способностью обнаруживать парадоксальные противоречия в окружающем мире («Апокалипсис сегодня», «Драма на рыбалке», «Диета от Поэта».

«Древнегреческое существительное „пародия“ – „противопеснь“, „перепев“. Пародия, исходит из обязательного разрыва, принципиального несовпадения между структурой изображаемого и изображения. Пародия, – это разговор автора с читателем, в котором автор прячется за метафорическую маску, чтобы довести до логического предела все внутренние возможности этой замаскированной маски. В ситуации пародирования героем становится индивидуальное или коллективное поведение, воспроизведенное в той или иной культурной системе координат».²

(«Про поэтов и людей», «Эпиграммы. Пародии. Басни.», «Стихотворения Алёши Карамазова», «Стихотворения Нью Йорика» и др.)

¹ Шри Ауробиндо, или Путешествие Сознания» Сатпрем;

² В. П. Скобелев «Чужое слово» В лирике И. Бродского

В рецензии на стихотворение «Иная музыка» Милада Кондратьева (США, Стамфорд, шт. Коннектикут)³ высказывает такую мысль: «Поэзия внутренней сущностью автора несет собственно духовное содержание, что подтверждает «исконную близость религии и поэзии». «Поэт милостью Божьей имеет власть превращать воду человеческих слов в вино, а это вино обращать в кровь Слова. Таково высшее назначение поэзии, её смысл евхаристический. Поэзия есть возвращение человека к началу вещей. Проза говорит о бытии. Поэзия есть это бытие, открывающееся человеку. Человек, скитающийся вдали от Истины, задыхается, мир становится запыленным и пылеобразным. Доставлять чистый воздух горнего мира дано молитве. И молитва поручает поэзии быть ее помощницей. Поэзия есть чудо, это есть искание и нахождение высшей жизни, доступной человеку»⁴.

(«Иная музыка», «Ритмалгорифм», «Стихотворения Алёши Карамазова», «Вороний клич»)

Автор и исполнитель песен Алексей Хазар высказал своё впечатление о цикле стихотворений «Странник»: «Впечатление приятное. Поэтично, насыщено-образно, содержательно. Романтичный „Остров надежды“ о греческом Закинфосе мне особенно пришелся по душе».

А вот отзывы о поэме «Тлетворность»: «Апокалипсис мира без любви, – написала Надежда Коган. – Хорошо сделано. Не без изъянов, но все же намного художественней, чем многие постъядерные ужастики». Ей вторит Ирина Бжиская: «Не могу сказать, что супер (отзыв Кати Шмидт – super!), но, что-то в этом повествовании цепляет по-хорошему, заставляет обратить на себя внимание...». Алексей Хазар, резюмирует: есть определенная концепция, содержательность... однако местами с абсурдно-кошмарными элементами в духе полотен Босха». Единственное, что к этим отзывам можно добавить: что местами со «странными» сочетаниями ирреальных предметов и естественным окружением... в духе картин Рене Магритта.⁵

В части прозаических произведений можно отметить рассказ «Смерть негодяя» отмеченный в шорт-листе конкурса прозы «Медовый сбор» и Дипломом конкурса «Чаша таланта» и новеллу «Конец цивилизации Покегонов» занявшую первое место в блицконтуре «Далёкая туманность» на портале Литературных конкурсов «Что хочет автор» организованных Международным Союзом писателей «Новый Современник».

Вот отзывы судейской коллегии конкурса «Чаша таланта» на рассказ «Смерть негодяя»: «Рассказ понравился остроумным сюжетом, актуальностью работы внутренних органов, соответствующей стилистикой изложения, обрисовкой героя и, в достаточной степени, художественностью. В концовке весь „изюм“ рассказа». (Ян Кауфман) «Забавный, почти водевильный сюжет – а от финала сердце сжимается. „Смерть Негодяя“, и смерть негодяя. Или – смерть человека?» (Мария Гринберг).

Андрей Блинов, филолог-русист, в своей рецензии на рассказ «Голден Фиш или черно-белое кино» отмечает следующее: мне нравится «интеллектуальная» беллетристика, нравится сюр с расплывчатыми меняющимися картинками и некой моралью... В рассказе есть большой потенциал, как мне кажется. И не только потенциал единичного текста, но и автора в целом. Мне понравилось, как создается атмосфера, хронотоп (время и место). Иногда очень интересные, продуманные описания местности и атрибутов. Например, здорово описано здесь: «Скользнув в ближайшую подворотню, он торопливо просунулся через ее темное горло и вынырнул в мутном воздухе проходного двора». Сюрреалистичный эпизод драки – приколь-

³ Милада Кондратьева – редактор международного альманаха «Чувства без границ» (Москва – Нью-Йорк – Торонто), членом Международного Союза Литераторов и Журналистов (АРЛ) (Великобритания, Лондон) и Союза Писателей Северной Америки (Канада, Монреаль)

⁴ Арх. Иоанн Сан-Францисский. Избранное, 1997. С.525

⁵ Н. Коган, И. Бжиская, А. Хазар – члены Международного Союза писателей «Новый Современник»

ная задумка. Вообще питерский колорит чувствуется практически во всем – или это мне, как петербуржцу, только кажется...»⁶

Выявляя в своих произведениях закономерную связь пространственно-временных координат существования своего литературного героя, О. Томский говорит от том, что есть здесь. Подтверждая, тем самым, что, если есть здесь, то есть везде. То есть, «с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события»⁷

В соответствии с художественными задачами, ставящимися автором – здесь и сейчас, он использует широкую палитру литературных жанров: от новеллы и рассказа, поэмы и циклов стихотворений, до элегии, пародии, басни и эпитаграммы, включая редко используемые, такие как проповедь в стихах («Вороний клич»).

Взаимопроникновение автора и его произведения, вызывает процесс творческого восхождения путем самосовершенствования. Наступает момент, когда эти встречные потоки однородного вещества порождают творческую историю, закручивая её в бесконечную спираль генезиса авторского текста. Первопричина становится результатом начала иного авторского бытия. Порождает творческую индивидуальность автора и, соответственно, историю создаваемых им произведений.

И. Ненароков

⁶ А. Блинов – филолог-русист, блогер

⁷ Ухтомский А. А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2002. – С.342, 347

Отзывы о прочитанном

«Блу отель» – «Ух, ты! Давненько ничего свежего и настоящего на портале не читала. Очень-очень свежо и настояще. Спасибо и удачи!».

(Ольга Бут (Олли) Финалист премии «Поэт года 2014»)

«Очень понравилось! Красочно, ароматно, по-летнему тепло! А этот катрен

Склонились созвездия в осень
Луна выползает, крадясь,
Такого напитка – из моря и сосен,
Скажу вам, не пил отродясь.
перечитала сходу три раза. Теперь уже – четыре»

(Л. Морозова)

«Осенний мотив» – «Хорошо! Молодцом. Очень понравилось... стихотворение действительно по моей душе».

(В. Шекин)

«Golden Fish или черно-белое кино» – «Интригующий рассказ... упасть легче, чем подняться. Вот и падают спортсмены, артисты, да и самый обыкновенный люд».

(Р. Канаева)

«Смерть негодяя» – «Прочитал с удовольствием. На нескольких листах – вся жизнь Легковеса»

(Н. Ягодин)

«Вороний клич» – «Поэма о том, что в человеке, попавшим во мрак тяжких грехов, которые, как воронье закрывают свет и смысл жизни, всё равно остаётся осознание содеянного и стремление быть лучше.

Написано экспрессивно. Вот эти строчки понравились особенно:

«Чтоб восходя к вершинам Духа,
ты навсегда душой постиг
в борьбе, в труде, и тяжких муках,
и смертный страх, и светлый миг...»

(Надежда Стрелкова)

«Что я ищу в стихах как главное (всё это чисто вкусовое, конечно):

Оригинальность темы. Парадоксальность (мыслей, образов).

Художественную информативность. Лексическую приятность.

Хорошие и отличные рифмы. Всё это я нашла в стихотворении «Фильм Фильм Фильм» автора Ол Томский. Мой это автор!!»

(Из рецензии Галины Пиастро, члена Когорты Критиков проекта «Платон мне друг...»).

«Случайно на главной странице набрела и с удовольствием прочла „кое-что из Ваших творений“. Осталось приятное впечатление и от прозы, и от поэзии. А еще ностальгически шевельнулась внутри... тоска по бумажному носителю. Так и видятся ваши мастерски напи-

санные, буквально отточенные произведения, на страницах популярных в народе литературных журналов. Творческих успехов Вам! С уважением, Светлана Ливоки».⁸

⁸ С. Ливоки – действительный член Международного Союза писателей «Новый Современник»

Пять рассказов

Смерть негодяя

В гулком эхе прохладной лестницы старого дома на Петроградской загадочно прозвучало:

– Ты меня любишь?.. Скажи, что любишь.

Пожилой мужчина не спеша поднялся на третий этаж и открыл дверь в квартиру. На ней еще сохранились следы полировки и табличек именитых жильцов.

«Тимофеич, присмотри за домом», – не улыбаясь, иронично произнёс бывший пенсионер союзного значения Степан Тимофеевич Садоводов, и, улыбнувшись, подумал: «Уехали, а ключа не оставили».

Проходя мимо кухни, заставленной столами и громоздким буфетом, он увидел вспоротый живот арбуза, и почувствовал аромат дынных корок, выброшенных в ведро.

Степан Тимофеевич шёл по длинному коридору, смотрел на двери соседей, но видел живущих за ними жильцов – обитателей коммуналки, так он в сердцах за глаза их называл.

Из репродуктора звучала песня Эдиты Пьехи «Сосед»⁹. Аранжировка была далека от оригинала. Степан Тимофеевич не узнал ни певицу, ни песню – так всё переменилось.

«Говорят, Эдик Хиль стал мистером Трололо! Куда подевалась душевность, мелодия?! Сумбур вместо музыки!», – мысленно произнёс Степан Тимофеевич, и горестно добавил: «Мир незаметно сходит с ума».

Жильцов в квартире не было. Все уехали загород, на природу. Кто на электричке, кто на маршрутке, а кто—то и на новой кредитной машине. «Нувориши облупленные», – сыронизировал Степан Тимофеевич.

Проходя мимо туалета, и, припомнив утреннюю мучительную задержку, решил опорожнить мочевой пузырь, измученный хроническим простатитом. Рядом с туалетом была приоткрыта дверь в ванную. Чуткий слух Степана Тимофеевича уловил одиночные капли из крана.

– Опять, Семенова! Никогда не закрутит барашек.

Войдя в туалет и приспустив брюки, он отчетливо услышал из общего с квартирой Родионовых воздуховода:

– Ты меня любишь?.. Скажи, что любишь.

Степан Тимофеевич медленно присел и резко привстал, ощутив голым задом холод унитаза. Замер в ожидании, но ничего не последовало. Опустив стульчак и удобно расположившись, Степан Тимофеевич снова прислушался, но больше ничего не услышал.

– Наверное, показалось, – решил он, и стал делать своё дельце. В это время из—за стены донеслось:

– Я тебе надоела?

– Нет.

– Скажи, что любишь. Скажи, что никогда не забудешь.

У Степана Тимофеевича слегка оттопырились уши. Он улыбнулся. Лицо его изобразило легкое удивление. Он напрягся, пытаясь услышать что—либо ещё, но услышал, как наверху, этажом выше, завизжала дрель.

⁹ * ремейк группы Ultrabeat – «WTF»

Покончив с туалетом, он натянул брюки. Торопливо прошёл в свою комнату, шаркая домашними туфлями, с некрасиво замятыми задниками. В голове навязчиво зазвучало: «любишь, не забудешь; любишь, не забудешь; любишь, не забудешь».

– Фу ты, ну ты, – с досадой подумал Степан Тимофеевич, – это же наверняка из квартиры Родионовых. А они уехали... всей семьёй и уехали. В Крым под Алушту. Может кого—то впустили пожить. На время. Ну, да ладно... подумаешь, наверное, и ключи им оставили. Присмотреть за квартирой.

После утомительной жары пришёл хороший августовский вечер. Степан Тимофеевич принял снотворное и отправился в уборную. По дороге он вспомнил неожиданный диалог и невольно улыбнулся: «любишь, не забудешь...».

– Надо же, какая настойчивая!

Войдя в туалет, Степан Тимофеевич на секунду замер. Прислушался, устремив взгляд на воздуховод. От слабого потока воздуха на решетке дрожала паутина.

Быстро закончив с туалетом, вышел в коридор. Пройдя ванную, по привычке, остановился у двери в кладовку. Здесь у него, как и у всех жильцов, хранилась картошка. Подумав, вошёл убедиться, что всё в порядке. Выходя, услышал из—за тонкой перегородки, отделявшей квартиру:

– Какой это был подонок!

– Но ведь он сделал тебя депутатом.

– Вот именно.

Степан Тимофеевич от неожиданности вздрогнул. Хотел сразу уйти, почувствовав себя неловко, но профессиональное любопытство пересилило. Он задержался.

После долгой паузы, когда он уже собирался уходить, отчётливо услышал, что произнёс неприятный голос:

– Конечно, мне перепадало кое—что, но, не миллиарды...

Депутат, миллиарды... коррупция – мысленно завершил Степан Тимофеевич логическую цепочку.

В голове его закрутились пестрые картинки событий, реальных и не очень, вперемешку с обрывками телевизионных сериалов. Однако Степан Тимофеевич был не так прост, как это могло показаться на первый взгляд. Он имел опыт расследования подобных явлений.

Известные события, предшествующие разоблачению культа личности, и не только, были ещё свежи в памяти секретного сотрудника НКВД Степана Тимофеевича Садоводова. Долгое время работавшего на органы под именем Легковес. Его вторым неофициальным оперативным именем была – «цепкая хватка».

Он приблизился к перегородке в надежде услышать продолжение разговора, но расслышал только легкое похлопывание и грудное бормотание.

– Надо будет присмотреть за этой квартиркой, – подумал Степан Тимофеевич, и долго ворочался в постели, прежде, чем незаметно заснул.

Ему приснилась явочная квартира на Каляева, и майор Федун – куратор из Большого дома на Литейном. Он долго смотрел на Степана Тимофеевича тяжёлым взглядом, мерно постукивая крупными ногтями по краю стола, и раскатисто произнёс:

– Помните Легковес, осторожность и бдительность!

Степан Тимофеевич неожиданно проснулся. За окном шёл дождь. Капли стучали по подоконнику. Стекали по стеклу.

Поутру, посещая туалет и проходя мимо кладовки, Степан Тимофеевич напряг свой острый слух, но ничего не услышал.

– Затаились? Ну, ничего, как говорится: «осторожность и бдительность», – надменно подумал он.

Просуетившись, не сразу заметил, как закончилось утро. Ему об этом напомнил полуденный выстрел и звоном отозвавшиеся в старинном буфете стаканы.

Прихватив авоську, Степан Тимофеевич собрался на почту – сегодня была пенсия.

С почты он всегда заходил в «Пятерочку». Закупал продукты. Всё самое необходимое. Сразу на месяц. До следующей пенсии: гречку, рис, макароны. Брал и бутылочку, хотя выпивал редко – заботился о здоровье.

Легковесом Степана Тимофеевича прозвали за его весовую категорию, в которой он выступал. В спорте он всегда добивался ярких побед. Его приёмы были просты и надёжны. Он умел укладывать противника на лопатки в два приема. Уклониться от них соперник не мог. За это Степан Тимофеевич и получил своё второе прозвище – «цепкая хватка».

Органы завербовали Степана Тимофеевича в сорок восьмом. На сборах в Геленджике. Оперативники застали его в хозяйской баньке с юной гимнасткой – старшеклассницей из Уфы.

С тех пор Степан Тимофеевич стал Легковесом – осведомителем НКВД.

Предметом «подозрений» чекистов тогда стали перспективные спортсмены. Добившиеся успехов в различных спортивных дисциплинах. Однако не пожелавшие добровольно перейти в команды спортивного общества «Динамо». Ни для кого не секрет, что это общество относилось к системе ГПУ НКВД. Его почётным председателем был сам Железный Феликс.

Инструктаж Степан Тимофеевич проходил на квартире на углу Каляева и Литейного.

На первой встрече майор Федун разъяснил Степану Тимофеевичу линию партии, и что значит «Сила – в движении»:

– Понимаешь, дорогой товарищ Садоводов – Легковес, они, как и некоторые несознательные граждане нашей Советской Родины, могут быть нелояльны к советской власти.

Степан Тимофеевич сразу «всё правильно понял». Он с завидным успехом стал плодотворно работать, добросовестно справляясь с поставленной задачей. С тех пор за ним закрепилась – «цепкая хватка».

Жильцов своей квартиры Степан Тимофеевич знал как облупленных.

Больших грехов за ними не водилось. Воровали, конечно, но по мелочи. Двойная бухгалтерия Семеновой, липовые путевые Чепрука и командировочные Ленивкера – чепуха, по сравнению с ваучерной приватизацией.

– Никому это теперь неинтересно, – вздыхал Степан Тимофеевич.

В последний раз, когда он докладывал об этом куратору, тот, задумчиво смотрел в окно, и было не понятно, слышит он Степана Тимофеевича или нет.

Поднимаясь с продуктами по лестнице, он остановился напротив соседской квартиры. Машинально заглянул в глазок. В темноте он увидел собственный зрачок. Прислушавшись, услышал в глубине квартиры шаги. От неожиданности Степан Тимофеевич приблизился к двери, желая заглянуть внутрь, и звонко приложился лбом. После чего торопливо открыл свою дверь и проскользнул в квартиру.

– Кто же это может быть?! – подумал Степан Тимофеевич, едва войдя в квартиру, и не включая свет в коридоре.

Он оставил продукты на кухне. Зашёл в кладовую. Прикрыв дверь, услышал – за стеной кто-то ходил. Затем всё стихло. Степан Тимофеевич, глубоко вздохнул и замер в ожидании.

– Я хотел остановиться, но он вытащил мои расписки.

У Степана Тимофеевича от неожиданности открылся рот. Он затаил дыхание. После непродолжительной паузы из-за стены сдавлено прозвучало:

– Пришлось начать снова. Взятки, как болото...

После этого скрипнула дверь, и мужской голос отчетливо произнёс:

– Заткнёшься ты уже! Слушай, надоело одно и то же...

Послышались шаги, щелчок замка в соседней квартире.

Степан Тимофеевич устремился к входной двери и в глазок увидел удаляющуюся по лестнице спину мужчины в плаще и шляпе. Он вышел из квартиры на площадку и услышал, как внизу хлопнула дверь.

– Ушёл!.. Но кто-то ведь там остался? – торжествующе подумал Степан Тимофеевич.

Глаза его заблестели и загадочно посмотрели на соседскую дверь...

Телевизор сегодня показывал сериал из прошлой советской жизни. Все персонажи и характеры в нём были картонные. Выдавали себя и интерьеры, и костюмы. Но самое главное персонажи и характеры – они не вызывали доверия. Лица, фразы, поступки были вымышленными. Иногда они просто кричали в лицо: «Смотри – это враньё!»

Степан Тимофеевич с горечью выключил телевизор и предался воспоминаниям. Незаметно приблизилось время отхода ко сну. Он ложился рано, и это спасало его от бессмысленно долгих вечеров, которые ему напоминали о прошлом.

Во сне его незаметно произошла подмена. Вместо женщины, желанной и дорогой, появился незнакомец. Он вел себя по-хамски, на все замечания возражал, а потом отчебучил такое, что не хотелось и вспоминать.

Утром на кухне Степан Тимофеевич в плохом настроении готовил себе завтрак. Сосед, уходя на работу, докучал ему своим присутствием. Нёс с похмелья очередную околесицу, переходя от нелепости к нецензурной брани.

– Перестаньте, – не выдержал Степан Тимофеевич. И потом сто раз пожалел об этом. Нахал только распалился, и разразился тирадой... А, уходя, обозвал его старым козлом.

Позавтракав без аппетита, Степан Тимофеевич приступил к работе. Он обходил все доступные помещения, смежные с соседней квартирой. Прислушивался. Выбирал наиболее вероятные места, откуда можно было что—либо услышать. Дымоход, вентиляция, отдушины. Тонкие перегородки, сооруженные при разделении квартир в эпоху уплотнения и социалистической перепланировки.

Везде было тихо, но чутьё его не подвело. Несколько раз он слышал странные звуки. Однажды он услышал странный крик, но решил, что это ему показалось.

Наконец, желая передохнуть, Степан Тимофеевич задержался в кладовой, перекладывая картошку для обеда из ящика в алюминиевую миску. В этот момент он четко услышал:

– Эта отставка погубит мою политическую карьеру, всю мою жизнь.

Из рук Степана Тимофеевича выпала небольшая картофелина и закатилась под дверь.

– Он издевался надо мной. Я дал ему пощечину. Мы сцепились. Я схватил пресс-папье, ударил его. Я не собирался его убивать.

– Убийство!.. – сверкнуло в глазах Степана Тимофеевича. – Убийство и коррупция.

Выходя с картошкой в коридор, его осенило:

– Ведь он депутат законодательного собрания.

Мысли замелькали, закружили, задевая всё то, что осталось в прошлом. Оно не хотело и не могло вернуться.

– Но, как же так?! – негодовал в памяти Степан Тимофеевич.

Лица многих прошедших через его руки всплывали мысленно перед ним, обижаясь и требуя своей справедливости, осуждая его преступное бездействие.

– Не огорчай нас, Степан Тимофеевич, не лишай нас справедливого возмездия... и вспомни о бдительности! – умоляли они.

Опять в каждом углу Степану Тимофеевичу мерещилась тень майора Федуна. Стучало в висках блокадным метрономом: Убийство и коррупция, убийство и коррупция, убийство и коррупция... Поднимая давление.

Степан Тимофеевич принял лекарство. Когда всё успокоилось, перед глазами возникла жена, ушедшая из жизни восемь лет назад.

Она посмотрела на него недобрым взглядом и произнесла последние свои слова. Он наконец—то их понял: «Видно, теперь ничего исправить нельзя...»

Засыпая, Степан Тимофеевич вспомнил серый плакат на углу проспекта напротив булочной.

Ночью ему приснился майор Федун в пижаме и домашних тапочках. Он что—то кричал с другого берега реки. Слова относил ветром. До уха долетали обрывки фраз. В руках мелькал листок. Он размахивал им из стороны в сторону, но буквы не складывались в слова и рассыпались. Степан Тимофеевич с трудом прочитал: «Планы партии – планы народа». Он красноречиво развёл руками. Майор Федун перевернул листок. В Степана Тимофеевича выстрелили слова, написанные на нём – «Коррупция имеет своё имя».

Рано утром, после бессонной ночи, он пришёл на угол Карповки и Литераторов. Автомата не было.

– Вот черт, как же быть, – растерялся Степан Тимофеевич. Где—то здесь ещё должен быть, но где не помню...

Он пошёл по пустынной улице. Через проходной двор. Ноги знали, куда идти.

Они привели его в садик. Здесь ещё недавно была лодочная станция, и в другой уже жизни здесь, в старом деревянном домике, в библиотеке работала его жена.

Степан Тимофеевич в нерешительности остановился. Его, как всегда, неприятно поразило отсутствие на своём привычном месте Железного Феликса.

Степан Тимофеевич огляделся. В отраженном свете реки он увидел золотистые незабудки чугунной ограды. В кустах боярышника, уже осыпавшего спелые ягоды, старый автомат. Стёкла были выбиты, и в кабинке пахло мочой.

Он достал двухкопеечную монету и опустил её в узкую щель.

После продолжительной тишины в тяжёлой трубке появились глухие гудки:

– Дежурный слушает, – раздалось на том конце провода.

Рядом со школьной площадкой, напротив дома с подозрительной квартирой, поздней ночью остановилась неприметная машина. За плотно закрытой дверью фургона шла тихая незаметная жизнь. Мелькали разноцветные лампочки приборов. В небольшом динамике на миниатюрном столике едва были слышны приглушенные голоса...

Утром, после «разбора полётов», в незаметном кабинете специального подразделения Большого дома произошёл неприятный разговор:

– Говоришь, первый раз так облажался. Стопроцентная информация. Цепкая хватка.

– Максим Максимович!..

– Молчи Валера! Мне ещё шею намылят за это несанкционированное проникновение в частную квартиру. Мы ещё все за это каждый своё получим.

– Товарищ полковник, что делать с этим каналом.

– Закрывай.

– На все сто?!

– Ты что?! Он уже и так вне игры. Вызовите, побеседуете. Отправьте на вечную консервацию: ему и так недолго осталось.

В Крыму под Алуштой купальный сезон был в самом разгаре. В переполненном кафе на набережной, под редкими зонтиками, обедали отдыхающие. Мужчина в тени деревьев закончил обильную трапезу. Лениво рассматривая проходящих мимо девушек, нехотя достал запевший мобильник:

– Да.

– Здорово, Родионов. Ну, как там Кебит—богаз и Чатыр—Даг. Загораешь, купаешься...

– Да, всё нормально! Приеду через пару дней и всё расскажу. Как там, присматриваешь за квартирой? Наверное, воспользовался моментом. Светка, поди, на седьмом небе от счастья.

– Да ты знаешь, как—то всё не срослось со Светкой. Да и было не до этого. Закрутился, а тут ещё Петровна померла.

– Это кто?

– Стерва Петровна? Ты что, не знаешь?! Режиссёр Совэкспортфильма. Ты её у нас видел. В советские времена дублировала зарубежное кино на Ленфильме.

– Что—то не припомню... А, это твоей супруги какая—то дальняя родственница.

– Да нет, просто соседка, так, иногда вместе встречали Новый год. Вообще—то её звали Минервой. Слушай, я тут у тебя на время попугайчика её поселил, не возражаешь. Всё равно квартира пустая.

– Ты что, Савельев, у меня там джунгли развёл. Он же там всё изгадит...

– Не волнуйся, я за ним присматриваю. На самом деле, он ещё тот чистюля. Представляешь, из—за этого гада её и стали Стервой Петровной называть.

– Ты о ком, Савельев.

– Да всё о нём... Чертов попугай! Он всю студию терроризировал! Негодяй! Его так и прозвали – сокращенно Гадя... Отпетый ублюдок! Ни одну вахтёршу с ума свёл. Доходило до того, что дежурить по ночам отказывались. Таковую жуть наводил. Ведь он с ней все фильмы озвучивал. И обычные триллеры, и крутые ужастики. Такие перлы отчебучивал, волосы дыбом вставали...

– Что, говорящий попугай!?

– Да, настоящий жако!

– И ты такого монстра мне запустил в квартиру...

– Да вас же всё равно дома не было. Приедете, я его заберу куда-нибудь.

– Смотри, Савельев, несёшь персональную ответственность за эту инициативу! Меня Галина сожрёт, если он там что-нибудь изорвёт или изгадит.

– Не волнуйся, полный контроль, ты же меня знаешь. Да, слушай, я вчера вечером на квартире был, когда твоего соседа по «скорой» забрали. А сегодня утром твоя соседка говорит – помер.

– Это кто?!

– Ну, такой дядечка солидный, в преклонном возрасте.

– Да ты что, Тимофеич, что ли?!

– Да... вроде он.

– Вот так новость!.. ну ты меня огорошил, Савельев. Степан Тимофеевич умер! Он же крепкий был мужик, спортом в молодости занимался. Тихий, порядочный человек. Вот так люди уходят...

– Ну, всё Родионов, до встречи! Тебя встретить?

– Нет, нас Галкин брат из аэропорта заберёт.

Самолёт из Симферополя прилетел в Пулково с небольшим опозданием. Переполненный автобус с отдыхающими и ручной кладью подъехал к автоматическим дверям терминала. У пассажира с большим семейным чемоданом и увесистым рюкзаком за спиной в кармане прозвенел телефон.

– Да, слушаю.

– Родионов, привет, как долетел?

– Нормально, иду к машине с вещами.

– Слушай, не смогу сразу подъехать забрать попугая. Хотел вчера, да на работе задержался.

– Савельев, ты отдаешь себе отчет? Ну, меня точно Галка убьёт!

– На всё согласен! В обед приеду, заберу, и отдам ключи от квартиры.

В пустой квартире старого петербургского дома раздались звуки открывающегося врезного замка. Затем был открыт навесной замок на второй входной двери и отодвинута тяжёлая задвижка.

В квартиру с шумом ввалилась вернувшаяся с отдыха семья. Вспомнили о попугае. Стали искать, переходя из комнаты в комнату, зашли на кухню, заглянули в ванную и туалет.

Попугай бесследно исчез. Следы его присутствия в квартире были обнаружены женой Родионова: порваны обои, разбросаны остатки корма, оставлен птичий помёт.

Долго искали по всем углам квартиры, пока не обратили внимания на странный цветок. Из высокой, сужающейся к основанию хрустальной вазы, едва заметно торчал белым пером хвост попугая.

– Глупая и нелепая смерть, – подумал Родионов.

Он представил себе, как это могло случиться. И удивился – какие замысловатые ловушки уготовлены в этой непредсказуемой жизни.

Упрямство здесь обернулось смертью. Поскользнулся, хотел притормозить, и съехал вниз головой. Сужающееся к низу горло глубокой вазы зажало крылья. Затрепыхался, не смог выбраться и задохнулся.

Глупая и нелепая смерть Негодяя.

Родионовы навели порядок в квартире, поужинали и включили телевизор. Шел французский фильм с Аленом Делоном. В темноте комнаты с мерцающего экрана загадочно прозвучало:

– Ты меня любишь?.. Скажи, что любишь.

На Ивана Купалу

Темная аллея скрывала звездное небо над Сергиевским парком. Мы двигались в глубину лесного массива, и когда вышли на поляну, оно неожиданно предстало перед нами всё сразу в спокойном сиянии летних звезд.

Разделившись, мы направились в обход предполагаемого празднества Ивана Купалы. В нашей группе были те, кто не просто решил подурачиться, а придавал этому иное значение. Перед выходом мы по-братски разделили вино и остатки пирога. При этом Виктор, философ и очкарик, заметил: «Почему иду?.. толком сам не знаю, в такие дни происходят фатальные события, и лучше быть рядом с теми, кто разделяет твои взгляды». Серёга, биолог-орнитолог, слухач от Бога, сказал, что идёт, потому-то в нём сегодня звучит какая-то особая музыка. Что касается меня, то я шёл на удачу, по манящему следу судьбы, полностью полагаясь на провидение.

Созвездия освещали нам дорогу. Мы были в центре треугольника: справа была Лира, слева Лебедь, а впереди на груди Орла сиял Альтаир. Изредка слышались девичьи голоса, преобразённые эхом, затем всё стихало, и необходимо было заново определять направление движения.

Шли осторожно, с трудом придерживаясь выбранного направления. Услышав треск костра, не сговариваясь, остановились. Всмотривались в редкие просветы кустов, стараясь увидеть зарево, но видели только дым, медленно поднимающийся над вершинами деревьев. Редкие искры костра гасли среди мерцающих звезд.

Мы решили подойти поближе, с уверенностью, что нас не заметят. Другие группы выйдут к месту одновременно с других направлений. Подойдя ближе, устроили наблюдательный пункт, подавая друг другу условленные знаки, и стали ждать, всматриваясь в просветы травы и кустарника.

Девчонки в открытых купальниках, опоясанные листьями папоротника, стояли у костра. На головах у них были сплетённые из цветов и травы венки, а в руках веночки с тонкими свечами.

Отложив в сторону венки, и взявшись за руки, они стали водить хоровод, медленно двигаясь вокруг костра, ускоряя темп.

Я стал высматривать Марту, хотя совсем не надеялся, что она будет участвовать в этой забавной, но нелепой аванюре. Темп танца нарастал, девушки быстрее закружились вокруг костра. Их тела едва высвечивались всполохами огня, а застилающий всё вокруг дым скрывал черты лица. Одна из девушек так весело и отчаянно выплясывала в языках пламени, что я невольно обратил на неё особое внимание, и уже не спускал глаз.

Не сразу, но я узнал Марту.

Лицо её со следами растительного макияжа буквально завораживало. Движения были настолько притягательны и знакомы, что я уже не сомневался, что это она.

Девушки увлечённо двигались по кругу, ускоряя темп, взмахивая в такт языков пламени сплетёнными руками. Их полуобнажённые тела в мелькании теней и в стелющемся дыме излучали сейчас прелесть и первозданность женской природы, усиливая неоднозначность впечатления от ритмичного и зажигательного танца.

Неожиданно танец прервался. Приблизившись к огню, девушки стали выкрикивать: «Купало, Купало, бог изобилия, прими благодарения! Настало время жатвы!» Затем подбросили в костёр сухой травы. Он вспыхнул с новой силой, подняв в воздух розового джина, и мы почувствовали сладковатый запах травы, который ветром отнесло в нашу сторону.

Девушки зажгли свечи и осторожно поднесли венки к пруду. Войдя до уровня юбок, опустили их в черную воду, в которой уже плавали звезды, и они медленно поплыли, едва удерживаясь на плаву.

Запустив венки, девчонки весело принялись бегать вокруг костра и прыгать через него, разгоняя прыжками дым и поднимая искры.

В этой карусели мне показалось, что я безнадежно потерял Марту, но после то, как трава прогорела, и дым растянуло ветром, я увидел её снова и уже не отрывал взгляда.

Девчонки остановились и стали смотреть на костёр, как замороженные.

В этот момент, по сигналу, мы выбежали с воплями из своих укрытий, размахивая руками. Наши тени заскользили по листьям стоящих вокруг поляны деревьев, а крики наполнили парк, усиливаемые жутким эхом.

Перепуганные нашим появлением девушки с визгом побежали врассыпную. Мы кинулись за ними.

Я бежал за Мартой, пытаясь приблизиться к ней, чтобы она увидела, что это я, а не козёл с Лысой горы. Но она, гонимая животным страхом, так припустила, что я не мог её сразу догнать.

Бегать в темноте по траве, среди кустов и деревьев в парке не простое занятие. Расстояние между нами стало заметно увеличиваться. Выбирая маршрут движения, я на мгновение остановился и, поднеся ладони к губам, крикнул ей в след:

– Это я!.. Марта!

Ветер отнёс мои слова, а шум деревьев их настолько сгладил, что оставил лесному эху только – «Э-та... А-та».

Внезапно среди кустов в просвете отступающей ночи она остановилась и, помахав издали рукой, пронзительно крикнула:

– Ну, что же ты!.. догоняй!

Я кинулся в погоню. Сердце в груди колотилось ритуальным тамтамом в руках африканца. С каждым шагом, ударом пульса всё острее чувствовал, что в крови закипает живой огонь, растекаясь по жилам, и наполняя моё сердце.

Мы летели по лесным тропинкам по влажной от росы траве, но она не охлаждала наши желания: её – убежать, и моё – догонять.

Жар погони всё больше распался в нас закипавшую страсть.

На бегу, в мелькании кустов, я заметил, что узкая лесная тропинка пошла под уклон. В просвете деревьев мелькнуло зеркальное отражение воды – это пруд, значит мы возвращаемся назад.

Я рванул напрямик, срезая углы, к тому месту, где Марта должна была выбежать на поляну.

Пробиваясь сквозь высокую траву, я увидел, как мелькнула её тень в направлении моего движения, и быстрыми скачками стал настигать, с каждой секундой приближаясь всё ближе и ближе, пытаясь на бегу остановить её, обхватив руками.

В последнее мгновение, когда я уже почти настиг Марту и сжал в своих объятиях, стена травы исчезла, и мы оказались на обрывистом берегу, где не в силах удержаться, обнявшись, полетели в темную воду пруда.

От удара вода разлетелась сотнями брызг, и наши тела погрузились в тёплую черную влагу.

Руки и тела, сцепившиеся в неожиданном полёте, продолжали по инерции двигаться, как в замедленной киносъёмке. словно один единый организм, мы вкручивались в мелководье у берега: водоросли, тину и прогретый за день плодородный ил.

Медленно перемешиваясь с тёплой водой заросшего пруда, с прозрачной летней ночью, сияющими над нами звёздами, мы скручивались в тугую пружину свободы и безумного бесстыдства.

Руки, словно щупальца осьминога, делали свое дело, безгрешно совершая непоправимое вечное, всё, что идёт по пути естества, озаряя и освящая безумством и точностью действий. Ведь это было заложено в нас самой природой – разрывать все противоречия на пути к желанному результату.

Внезапно она звонко вскрикнула, а потом на выдохе покорно сказала:

– Умыкнул – так бери!

В темноте я нашел её влажные губы и впился в них, как пчела после долгого полёта по знойному лугу в долгожданный цветок. В течение бесконечного поцелуя мы шлепали ладонями, наслаждаясь плесканием теплой водой.

После того, как наши тела, наконец, снова соединились, переплетение всхлипов и голосовых вибраций с ритмичными хлопками рук, разбрызгивавшими искрящиеся фонтанчики на лунной дорожке, слились в бесконечную мелодию, разносящуюся гулким эхом по светящейся ночной поверхности пруда...

Я лежал на мелководье, на половину в воде, откинувшись на спину, полностью слившись с окружающей меня природой парка, чувствуя себя земноводным существом, которому впервые предстояло выйти на сушу. Рядом возлежала та, ради которой сегодня всходило солнце, и начиналась новая эра моего земного существования.

Ошеломлённый нахлынувшими чувствами и потрясённый случившимся, я прислушивался к себе, к тому, что сейчас происходило глубоко внутри, где, вероятно, в этот самый момент зарождалось новое сознание и отношение к жизни. Жизни на новой планиде.

Как только первые лучи солнца пробили узкие бреши в густых зарослях парка, и немного рассвело, окружающие предметы стали утрачивать ночную тайну, обретать реальные черты.

Всё, что еще минуту назад казалось сказочным и вызывало внутренний трепет, сравнимый с переживаниями детства, теперь обретало зримые реальные черты, теряя былое очарование.

Невидимые тени заскользили по кронам деревьев, исчезая в укромных своих местах. Те же, кого солнечные лучи застали врасплох, превращались в невидимых истуканов, мгновенно уснувших, но сохранивших остатки сумеречного сознания.

Ночь не спеша уступала утру свои права. Луна с достоинством, присущим только светилам, передавала Солнцу свои полномочия, продолжать новый день, начатый ею.

Она медленно приподнялась из воды и села, подтянув ноги и возложив на них, как на пьедестал, усталые руки.

С мокрых её волос по спине разводами стекала вода. Крылья лопаток медленно вздымались дыханием, а выступившие через кожу бугорки позвонков волнами стекали вниз, исчезая в розовой полоске, оставленной резинкой трусиков.

Наконец она повернула своё лицо и через пряди свисавших волос тихо произнесла:

– Я... не Марга.

До меня не сразу дошёл смысл сказанных ею слов, однако красноречивей всего в этот момент был взгляд её незнакомых смеющихся глаз и лукавая полуулыбка.

Я резко привстал на локти и выдохнул:

– Ты кто?

В мозгу произошёл разряд, будто сто молний сверкнули перед глазами, но при этом не вспыхнуло всё вокруг, и не задрожала земля. Однако меня подбросило так, что всё потемнело в них и зазвенело в ушах.

– Я, Вера...

– Что!.. Вера?!

В голове зашумело, и, мгновенно почувствовав тяжесть во всём теле, и тупую боль в обоих висках, как это бывает перед пробуждением после обильных возлияний, я произвольно потряс головой – не привиделось ли это.

– Что вы бросили в костёр?

– Траву...

– Какую?

– Иоаннову...

– Что за трава?!

– Обычный зверобой и ещё что-то... не помню.

– Хороша травка!

Я откровенно разглядывал её всю с головы до ног, пытаюсь понять или хотя бы угадать, как всё это могло произойти, и как я мог так обмануться.

«Ночь... всё эта ночь» – мелькнуло в голове.

Судорожно прокручивая случившееся как киноплёнку, пытался вспомнить каждый миг: и костёр, и венки, и матиссов танец, и речитатив: «Купало, Купало!!!»

И ещё... как это там, а вот: «настало время жатвы».

Что всё это значило? Мысли защёлкали искрами костра в тумане мозга, не находя положительного ответа.

Ночь... ну, да! Как же так?! Однако всё это не оправдание.

Я представил перед собой Марту, и мне стало жарко.

Как я мог так ошибиться. Вспомнил, как Марта тогда, в тот роковой вечер прочла эту туманную фразу – «ты сам попадаешь в свои капканы, потому что расставил их множество, сотни...».

Боже мой, мелькнула какая-то догадка, но... почему-то ускользнула от понимания, нагнав ещё большего туману.

Я посмотрел ей в глаза и почти в лицо крикнул:

– Зачем ты это сделала?!

– Что... зачем?!

– Почему ты не остановила меня?!

Она ответила не сразу, а, выдержав мой взгляд, улыбнулась и спокойно произнесла:

– Почему? Да потому... было бы глупо остаться одной и в такую ночь!

– Ты это серьёзно? А не страшно было ночью в лесу, с чужим человеком, что у него на уме неизвестно...

Она легкомысленно засмеялась, обнажив жемчужины ровных зубов.

– Я ведь тебя не испугалась совсем... по голосу сразу узнала. Видела не раз в общаге матмеха.

– Ты что с матмеха? – не зная, как на всё это реагировать, спросил я.

– Нет, я не учусь.

– А что делаешь?

– Работаю.

– Где?

– В универмаге в Стрельне.

– Ты из Тимяшкино.

– Нет, из Мартышкино.

– Оно и видно, что из Мартышкино... продавщица из Мартышкино?!

Она перестала, наконец, глупо улыбаться.

– А что делала в общаге, на танцы приходила.

– Нет, мать у меня там работает в столовой.

– А ты не подумала... Вера, о том, что у меня, может быть, девушка есть. А? Приятно ей будет узнать... о нашей... встрече с тобой... здесь в парке... ночью.

– Да нет у тебя никакой девушки.

– Как это нет?!

– Да, так, я знаю. Ты всегда один – с занятий в общагу, из общаги на занятия.

– Ты что, за мной следила?

– Просто... наблюдала

– Ну и что, что всегда один. Это ты так думаешь, что один, а на самом деле...

А что «на самом деле», подумал я, ведь и сам ещё толком не знаю, есть у меня девушка или только я так считаю.

– Да нет у тебя девушки, я спрашивала. У твоих же друзей и спрашивала.

– У кого ты спрашивала?

– У Витаса, у Марго...

– Что, ты их знаешь? Ты бы ещё у телеграфного столба спросила, он бы тебе ответил, балда.

– Не ругайся?

– Не ругайся?! Да я ещё и не ругался. Но... может быть, ты мне скажешь, что мне теперь делать с этим... Вера.

– С чем с этим.

– А вот со всем этим.

Я обвёл руками всё, что только видел вокруг, включив в это рукотворное полотно и нас, мокрых, нелепых, о чём-то беседующих в воде.

– А мне?

– Тебе?!

Я долго не моргая смотрел ей в глаза, в которых застыл её последний вопрос, не находя подходящих слов для ответа. Смотрел до тех пор, пока не стало резать в глазах, то ли от беспомощности что-либо изменить, то ли что-то объяснить, и в них не выступили слёзы, после чего, ели сдерживаясь, спокойно произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.